
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

**Героизм и повседневность:
к 80-летию начала Второй мировой войны**

**Гераізм і паўсядзённасць:
да 80-годдзя пачатку Другой сусветнай вайны**

**Heroism and everyday life:
on the 80th anniversary of outbreak of World War II**

УДК 94(47)+94(430)+94(410)+316.4

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ СПЛОЧЕННОСТИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Л. В. АЛИЕВА¹⁾, Л. В. АНТОНОВА¹⁾, Т. Г. ХРИШКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Псковский государственный университет, пл. Ленина, 2, 180000, г. Псков, Россия

Образец цитирования:

Алиева ЛВ, Антонова ЛВ, Хришкевич ТГ. Современная историография феномена социальной сплоченности в период Второй мировой войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;4:7–16. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-7-16>.

For citation:

Alieva LV, Antonova LV, Khrishkevich TG. Contemporary historiography on the phenomenon of the social cohesion in the period of the Second World War. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;4:7–16. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-7-16>.

Авторы:

Людмила Владимировна Алиева – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры отечественной истории исторического факультета.

Лидия Владимировна Антонова – кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры всеобщей истории и регионоведения исторического факультета.

Татьяна Георгиевна Хришкевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения исторического факультета.

Authors:

Liudmila V. Alieva, PhD (history), docent; associate professor at the department of Russian history, faculty of history.

zemkod1922@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4239-3207>

Lidia V. Antonova, PhD (history); senior lecturer at the department of world history and area studies, faculty of history.

antonova.lidia.24@yandex.ru

Tatiana G. Khrishkevich, PhD (history), docent; associate professor at the department of world history and area studies, faculty of history.

faschoda@mail.ru

Рассматривается современное состояние исторических исследований проблемы социальной сплоченности в контексте Второй мировой войны. Анализируются основные работы, отражающие вызванные войной процессы консолидации и раскола, перемены в сознании общества и отдельного человека как в воюющих на стороне антигитлеровской коалиции странах, так и в Германии. Подчеркивается, что социальная сплоченность остается неизученной темой в работах, посвященных социальной истории Второй мировой войны. В заключении отмечается исследовательский потенциал анализа проблем солидарности и единства в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: социальная сплоченность; историография; Вторая мировая война; Великая Отечественная война; Россия; Германия; Великобритания.

СУЧАСНАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ФЭНОМЕНА САЦЫЯЛЬНАЙ ЗГУРТАВАНАСЦІ Ё ПЕРЫЯД ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Л. У. АЛИЕВА^{1*}, Л. У. АНТОНАВА^{1*}, Т. Г. ХРЫШКЕВИЧ^{1*}

^{1*} Пскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт, пл. Леніна, 2, 180000, г. Пскоў, Расія

Разглядаецца сучасны стан гістарычных даследаванняў праблемы сацыяльнай згуртаванасці ў кантэксце Другой сусветнай вайны. Анализуецца асноўныя працы, у якіх адлюстроўваюцца выкліканыя вайной працэсы кансалідацыі і расколу, перамены ў свядомасці грамадства і асобнага чалавека як у краінах, што ўдзельнічалі ў вайне на баку антыгитлераўскай кааліцыі, так і ў Германіі. Падкрэсліваецца, што сацыяльная згуртаванасць застаецца нявывучанай тэмай у працах, прысвечаных сацыяльнай гісторыі Другой сусветнай вайны. У заключэнні адзначаецца даследчы патэнцыял аналізу праблем салідарнасці і еднасці ў гады Другой сусветнай вайны.

Ключавыя словы: сацыяльная згуртаванасць; гістарыяграфія; Другая сусветная вайна; Вялікая Айчынная вайна; Расія; Германія; Вялікабрытанія.

CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY ON THE PHENOMENON OF THE SOCIAL COHESION IN THE PERIOD OF THE SECOND WORLD WAR

L. V. ALIEVA^a, L. V. ANTONOVA^a, T. G. KHRISHKEVICH^a

^aPskov State University, 2 Lenin Square, Pskov 180000, Russia

Corresponding author: L. V. Alieva (zemkod1922@gmail.com)

The historiography of World War II is one of the most extensive research topics in historical science. Over the years, a comprehensive study of the military, political and economic history of wartime has been conducted. Particular attention during recent decades has been given to the social aspects of the war. However, the topic of social cohesion in the warring countries remains insufficiently analyzed. Thus, the main objective of the article is to analyze the current state of research on social cohesion in the context of World War II in contemporary British, German and Russian historical literature. The present study of the reflection of cohesion problems in Soviet Union, Great Britain and Germany during World War II is based on the principles of a new interdisciplinary branch of social science – anthropology of war. It integrates the achievements, subject areas and research tools of history, sociology, military psychology, cultural studies, pedagogy, medicine and other disciplines that study the existence of people and society at large in wartime conditions. A comparative analysis of the chosen historiography shows that at the present stage there is a commonality of approaches among historians related to interest in certain personalities, everyday life during World War II and war's gender dimension. The differences in assessments and methods are determined by the role and place of a particular state in the military-political confrontation as well as by prevailing historiographical paradigms. In any case, the theme of social cohesion was not adequately reflected in these studies. In conclusion, the authors note the research potential of analyzing the problems of social cohesion during World War II.

Keywords: social cohesion; historiography; World War II; Great Patriotic War; Russia; Germany; Great Britain.

Введение

В 2019 г. исполняется 80 лет с начала Второй мировой войны. В сложившихся условиях очевидна необходимость дальнейшей серьезной научной ра-

боты по ее изучению. Историография Второй мировой войны является одной из наиболее обширных исследовательских тем исторической науки.

За прошедшие годы было проведено всестороннее рассмотрение военной, политической и экономической истории. В последние десятилетия особое внимание уделялось социальным аспектам войны. Однако в ряду подобных исследований имеется тема, которая остается недостаточно изученной, – это тема социальной сплоченности в воюющих странах. Ее дальнейшее изучение направлено на решение важной задачи – углубление и расширение сферы научных исследований периода Второй мировой войны.

Проблеме сплоченности современного общества посвящен целый комплекс работ, но они носят преимущественно социологический характер, тогда как исторические факторы ее формирования, особенно мировые войны XX в., остаются пока вне поля зрения исследователей. Авторы данной статьи предпринимают попытку оценки степени изученности отдельных аспектов социальной сплоченности в российской, британской и германской

исторической науке в контексте Великой Отечественной и Второй мировой войн.

В свете усиливающегося внимания к историографии войны сравнительный исторический анализ российской, немецкой и британской научной литературы приобретает особую актуальность. Перед исследователями стоит задача изучить историю Второй мировой войны с учетом достижений и новых подходов, складывающихся в мировой исторической науке. Историков призывают раскрыть многокомпонентность войны во всей ее сложности, рассмотреть процессы консолидации и раскола, вызванные войной во многих странах, а также проанализировать перемены в сознании общества и отдельного человека. Для современных российских исследователей особую актуальность приобретает изучение места и роли Великой Отечественной войны и России в победе над нацизмом как неотъемлемой и важнейшей составляющей Второй мировой войны.

Методология исследования

Историография феномена социальной сплоченности в России, Германии и Великобритании периода Второй мировой войны базируется на принципах новой междисциплинарной отрасли науки, интегрирующей достижения, предметные области и исследовательский инструментарий военной психологии, социологии, педагогики, истории, культурологии, медицины и других дисциплин, из-

учающих человека в условиях военной деятельности, – антропологии войны [1]. Среди современных историков интерес к военно-антропологической проблематике неуклонно растет, поскольку данный подход позволяет комплексно изучать «человеческий ракурс» войны, включая ценностный и социокультурный аспекты, к которым относятся и социальная сплоченность.

Результаты и их обсуждение

Одним из событий, сохраняющих свое особое символическое значение в процессах консолидации современного российского общества, является победа в Великой Отечественной войне. Участие в поддержании социокультурного воспроизводства ритуалов памяти о победе принимают не только системы государственной пропаганды и контроля, но и научные институты. Несмотря на сохраняющуюся приверженность современных ученых традиционной тематике изучения войны (ее причины, ход, итоги и уроки, военные операции и др.), в историографии наблюдается сдвиг фокуса исследований на широкую панораму жизнедеятельности общества и отдельного человека в условиях войны, в том числе проблему социальной сплоченности советского народа в борьбе с нацизмом [2, с. 159–168; 3, с. 63–71].

Исторический опыт показывает, что внешняя опасность способна сплотить общество, и Великая Отечественная война является тому примером. Несмотря на известные факты сотрудничества с нацистами на разных уровнях и в различных сферах [4, с. 36–42; 5, с. 157–169], историки констатируют сплоченность советского народа, представители ко-

торого ради спасения Отечества были готовы жертвовать жизнью [6, с. 7–11; 7, с. 25–32; 8, с. 10–18].

Сплочение общества стало ответной реакцией не только на угрозу порабощения, но и на изменение политики руководства страны. В современных российских научных исследованиях отмечается трансформация национальных приоритетов в годы войны: происходит обращение к национальным истокам, традиции, исторической памяти, наследию [9, с. 389; 10, с. 10–20]. Национальная политика военного периода понимается при этом как переход от классовой к отвечающей интересам всех слоев политической нации (общности советских народов) политике во имя сохранения жизни каждого народа и их совокупности в едином государстве – Советском Союзе [11, с. 93–114].

Отдельную нишу в современных исторических исследованиях занимает проблема диалектики духовного потенциала победы в Великой Отечественной войне. Многие исследователи отмечают связь сплочения советского народа с условиями формирования советской духовности [12, с. 31–36]. Духовный потенциал населения советской России складывался на базе русского менталитета, форми-

ровавшегося под влиянием православия. Религиозный компонент ментальности наряду с марксизмом и сохранением традиционных нравственных ценностей (общинность, социальная справедливость, совесть, державность, патриотизм и самопожертвование) стали той объединяющей силой, которая оказывала огромное содействие победе над фашизмом [13, с. 19–52; 14].

Великая Отечественная война дала массу примеров беспредельной самоотверженности, мужества и героизма, которые являются свидетельством не только высочайшей степени социальной консолидации, но и глубоко осознанного стремления сделать все возможное и невозможное для защиты социалистического общества. В современных публикациях о Великой Отечественной войне риторика жертвенности представлена весьма широко [15, с. 160–167]. При этом следует подчеркнуть, что героями научных статей в России сегодня являются не Александр Матросов и Зоя Космодемьянская, а рядовые граждане страны, возложившие свои жизни на алтарь Победы, что с точки зрения нынешнего времени – подвиг [16, с. 189–190; 17, с. 1–5; 18, с. 38–40].

Проблема социальной сплоченности в период Великой Отечественной войны в современных исторических исследованиях часто рассматривается в гендерном разрезе [19, с. 21–47; 20, с. 29–31; 21, с. 82–86]. Единение против врага представляется авторами публикаций как общая заслуга мужчин и женщин, фронта и тыла, военных и мирного населения, к которому традиционно относят женщин и детей. Образы женщин, которые использовали пропагандисты, усиливали восприятие антифашистских лозунгов и обладали высоким консолидирующим эффектом.

Чрезвычайно обширна британская историография двух мировых войн XX в. При этом в исторической памяти британцев Великой, безусловно, является Первая мировая война. В научной литературе, в том числе последних десятилетий, ей уделяется значительно больше внимания, чем Второй мировой войне [22; 23]. Не ставя задачу сделать полный обзор британских исследований Второй мировой войны, остановимся на том, какое отражение в них нашла проблема социальной сплоченности в военное время.

В публикациях 1990-х гг. в период активных интеграционных процессов в Европе актуальным был вопрос о влиянии войны на структуру общества, ее роли в послевоенном формировании государства всеобщего благосостояния [24, р. 1–16]. Довольно долго в историографии утверждалось, что война была для Британии временем солидарности, ослабления идеологических разногласий и закладывания основ того национального консенсуса, которым принято характеризовать период во внутриполитическом развитии страны с конца войны

до 1970-х гг. Согласно этому подходу именно в военное время британцы переступили через границы классов, личной выгоды, либерального индивидуализма; в Великобритании произошла самая сильная среди всех стран-союзников, за исключением СССР, трансформация и мобилизация сил. Однако в 1980–90-е гг. данный подход подвергся критике. Историками отмечалось, что сложная социально-экономическая обстановка только усугубляла классовые разногласия, а результаты выборов 1945 г. и приход к власти лейбористов лучше всего продемонстрировали отсутствие консенсуса. Напротив, характерным было недоверие к власти и усиление индивидуализма как противоположности нацизму. Нахождение на территории Британии американских и канадских войск, беженцев из Европы, временных рабочих из колоний, в итоге оставшихся навсегда, только провоцировало социальное напряжение и никак не способствовало сплоченности и солидарности [25; 26; 27, р. 1–27]. В настоящее время историки избегают однозначных оценок по данному вопросу, подчеркивая противоречивость социальных процессов периода войны.

В 2015 г. вышла трехтомная «Кембриджская история Второй мировой войны», которая представляет наиболее актуальные для британской исторической науки оценки и подходы к ее изучению. Книга построена по принципу характерного для современной историографии проблемного подхода. В контексте рассматриваемой нами темы обращает на себя внимание третий том, посвященный проблемам экономики, общественной жизни и культуры в период войны. В разделе «Социальная практика народной войны» авторы поставили задачу ответить на вопрос: что нужно для мобилизации всего общества? И, хотя термин «сплоченность» не применялся напрямую, по существу, ими всесторонне рассматривались различные аспекты единения людей перед лицом внешней угрозы на разных уровнях: нации, локального сообщества, воинского подразделения. Авторы оперировали такими понятиями, как «моральный дух», «высокая эмоциональная вовлеченность в войну», «война как социальное поле», «тотальная сила народной войны». Прежде всего исследовалась роль пропаганды, направленной на «формирование общественного духа». Авторы указывали на то, что советские солдаты и мирные жители стали «моральным золотым стандартом» сплоченности и готовности к самопожертвованию, а британская пропаганда активно использовала для мобилизации населения «русскую тему»: так, образ самоотверженной советской женщины представлялся как идеал для британок [28, р. 336].

Вместе с тем Дж. Фокс, например, отмечала, что действия британской пропаганды по борьбе с «пятой колонной», роспуском сплетен и т. п. имели весьма противоречивый эффект. Внедрение

в сознание людей идеи о том, что они окружены шпионами, только провоцировало подозрительность и страхи, разрушало продвигавшиеся правительством концепции «социальной солидарности» и «народной совести». С одной стороны, говорилось о сплочении и взаимной поддержке внутри отдельных сообществ (жители дома или района, работники одного предприятия), а с другой – доверие внутри таких групп подрывалось листовками, утверждавшими, что даже сосед может оказаться шпионом. Эта кампания, кроме того, усугубила и классовую разобщенность. В противоположность романтизированным и загадочным образам из кинематографа пропаганда обычно представляла условного шпиона как «скромного рабочего человека» [29, p. 957–958].

Среди исследований социальной истории периода Второй мировой войны отметим, например, монографию С. О. Роуз. В ней уделяется внимание использованию в целях сплочения идеи национальной идентичности, гражданственности и концепции «британскости». Последний термин еще из имперской риторики викторианской эпохи приобрел особую актуальность в условиях необходимости объединения перед лицом внешней угрозы. Официальная пропаганда, пресса, писатели и художники активно эксплуатировали идею особого национального характера британцев. Они создавали образ нации, состоявшей из готовых на самопожертвование, от природы терпеливых и всегда неунывающих людей [30, p. 1–28]. При этом поведение, которое не соответствовало данному идеалу, могло характеризоваться как «небританское».

В связи с популярностью гендерных исследований в публикациях последних лет часто затрагивалась тема вклада в победу британских женщин, в частности их роли в функционировании промышленности военного времени. В том, что женщины занялись «мужским трудом», исследователи усматривали свидетельство не только единения всего общества перед лицом угрозы, но и преодоления гендерных стереотипов и развития идей равенства [31; 32].

Отметим также работы М. Тейлора, в которых проблемы отношений власти и общества, классовых противоречий, национальной идентичности, консенсуса или разобщенности в Британии военного времени рассмотрены через призму истории спорта, а именно футбола – игры, ставшей символом нации [33].

Германская историография, посвященная проблемам Второй мировой войны, не склонна оперировать понятием «социальная сплоченность». Употребление этого термина в отношении периода существования Третьего рейха, на наш взгляд, возможно применительно только к отдельным социальным категориям. В то же время исследова-

ния, посвященные социальной истории Германии в годы Второй мировой войны, занимают заметное место в массиве современных научных публикаций. Преимущественно немецкие авторы сосредотачивают свое внимание на конкретных военнополитических или экономических процессах, роли государства в построении тоталитарного режима [34]. Новым словом в германской историографии стали работы, посвященные повседневной жизни, позволяющие проследить настроения отдельных социальных групп во время войны [35–37].

Один из наиболее авторитетных исследователей истории Германии Эрнст Нольте в своей работе «Фашизм в его эпохе» дал всестороннюю характеристику национал-социализма, определяя его на основе трех критериев – антимарксизма, антилиберализма и антиконсерватизма, тем самым обозначив критерии, объединяющие сторонников германского фашизма [38; 39]. Обратившись к его исследованиям, можно условно рассматривать сплоченность немецкого народа вокруг личности фюрера как результат государственной стратегии, основанной на применении трех организационных принципов – опоры на партийный аппарат, тоталитаризм и вождизм. Фундаментальное исследование Норберта Фрая «Государство фюрера» много внимания уделяет усилиям по консолидации общества, следствием которых становится всеобщая унификация государственной политической, экономической и социальной жизни. Заметное место в работе занимает борьба с инакомыслием как неотъемлемый элемент построения унифицированного государства. Таким образом, определенная степень консолидации отдельных социальных групп является результатом идеологической мобилизации 1933–1939 гг., поддержки элит, устранения политической конкуренции в лице социал-демократов и коммунистов, реализации Нюрнбергских законов [40]. Однако поддержка режима, в некоторой мере обусловленная экономической стабильностью предвоенных лет, после военных неудач быстро сменилась недоверием и разобщенностью.

Заметное место в изучении германского общества отведено личности А. Гитлера и его влиянию на массы [41; 42]. Культ фюрера особенно укрепился после внешнеполитических успехов в марте и сентябре 1938 г. – присоединения Австрии и заключения Мюнхенского соглашения о Судетской области. Социальное согласие в этот период связывалось с именем фюрера. Первые военные успехи в Польше, Дании и особенно Франции добавили в обществе оптимизма, но очень быстро сменились разочарованием как в вожде, так и во власти в целом, постепенно расшатывалась солидарность с режимом [43]. Проследить отдельные элементы сплочения вокруг личности А. Гитлера позволяют биографии политических и военных деятелей –

Э. Роммеля, В. Кейтеля, Э. фон Манштейна, Ф. Паулюса и др. [44; 45]. Как правило, авторы отмечают личную преданность вождю со стороны его ближайшего окружения. Критические настроения преимущественно связываются с военными элитами.

В целом германская историография сосредоточена не на оценке сплоченности, а на всестороннем анализе теории национал-социализма [46], политике антисемитизма [47, с. 381–420], пропаганде, истории молодежи и отдельных социальных групп [48–50], роли армии и предпринимательских элит [51]. Все они в совокупности позволяют нарисовать картину общественных настроений, выявить сопоставимые социальные индикаторы, отражающие уровень социальной сплоченности (например, материальное обеспечение общества, пассивные взаимоотношения, уровень включенности в общественную и политическую жизнь и пр.).

При рассмотрении темы единства немецкой нации в годы Второй мировой войны нельзя не обратиться к проблемам коллаборационизма и движению Сопротивления [52; 53]. На наш взгляд, справедливо утверждение, что единство немецкого общества в годы войны во многом обусловлено воздействием пропаганды и сложившимся за шесть предвоенных лет мировоззрением. Например, поддержка идеи завоевания «жизненного пространства» на Востоке нашла отражение в работе П. Лонгериха. В ней приводится ряд документов, касающихся подготовки войны на уничтожение и реализации Генерального плана «Ост» [54].

В рамках изучения оккупационной политики и масштабов убийств мирного населения авторы обращаются, например, к истории специальных

групп СС, доказывая, что главной задачей последних было проведение мероприятий в соответствии с нацистской концепцией «нового порядка» в Европе. В работе А. Ангрика действия «айнзацгрупп» СС показаны через призму формирования аппарата убийств, а также деятельности активных членов организации, проявлявших энтузиазм, рвение и инициативу в выполнении поставленных задач. Рисуя социальный профиль и типологию членов репрессивных команд, А. Ангрик показывает, что среди них были как простые полицейские, так и остепененные ученые. Эти группы «не были гомогенны, но их убийственные действия были ужасающе “гомогенны”» [55, с. 450]. Это же касается действий вермахта, которые также отражали высокую степень солидарности в осуществлении идей тотальной войны.

Тема согласия с идеологией и стремления реализовать ее на практике проходит красной нитью через исследования, посвященные нацистским преступлениям на фронте. Установка солдат на исполнение любого приказа командования, воздействие идеологии национал-социализма и пропаганды на вермахт рассмотрены всесторонне, на основе многочисленных документов, в том числе источников личного происхождения. Немецкие ученые констатируют причастность к нацистским преступлениям не только командования, но и рядовых вермахта. В своих работах они глубоко и основательно анализируют степень готовности солдат к «варварству» в отношении военнопленных и гражданского населения оккупированных областей, которые могут быть только «врагами» [56–59].

Заключение

Таким образом, в настоящее время накоплен значительный пласт исследований, посвященных Второй мировой войне. Сравнительный анализ российской, германской и британской историографии показывает, что на современном этапе присутствуют как общность подходов, связанная с интересом к повседневности войны, ее персоналиям, гендерному измерению, так и различия, обусловленные ролью и местом государства в военно-политическом противостоянии, но тема социальной сплоченности не нашла в них должного отражения. За семьдесят лет изучения Второй мировой и Великой Отечественной войн методология исследований

претерпела существенные изменения, что делает работы историков трех стран более монолитными на нынешнем этапе. Их объединяют мультидисциплинарность принципов, многофакторность и комплексность. В то же время все еще сохраняется значительный исследовательский потенциал, к которому можно отнести анализ проблем солидарности и единства в контексте войны. Поиск ответов на стоящие перед современным обществом вызовы делает актуальным обращение к изучению практик предшествующих эпох, особенно в период крупнейшего социального катаклизма в истории человечества.

Библиографические ссылки

1. Сенявская ЕС. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли. *Вестник Мининского университета* [Интернет]. 2016 [прочитано 21 марта 2019 г.]; 1–2. Доступно по: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/168>.

2. Касимов РН. Великая Отечественная война как символ в коллективной памяти россиян. В: Загребин АЕ, Воронцов ВС, Касимов РН, Черниенко ДА, редакторы. *Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона: научный альманах*. Ижевск: Шелест; 2017. с. 159–168.

3. Науменко ВЕ. «...Кто без боя отдаст свой дом и селение, тот не мужчина» (Великая Отечественная война в восприятии ингушского народа). *Наследие веков* [Интернет]. 2015 [прочитано 17 мая 2019 г.];1:63–71. Доступно по: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/07/2015_1_Naumenko.pdf.
4. Шабельникова НА. Великая Победа в памяти поколений: Вторая мировая война в современной дальневосточной историографии. *Клио*. 2019;1:36–42.
5. Воробьев СВ, Каширина ТВ. Историография коллаборационизма на оккупированных европейских и советских территориях в годы Второй мировой войны. *Вопросы истории*. 2019;6:157–169. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii-201905Statyi03.
6. Камардина НВ. Государство и идеология: опыт советского прошлого (на примере дальневосточного общества в 1941–1945 гг.). *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2016;2:7–11.
7. Коваленя АА. Идеино-политическое отставание белорусской государственности в годы Великой Отечественной войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;4:10–18.
8. Коваленя АА. Отстаивать правду Великой Отечественной войны. *Проблемы управления*. 2015;2:25–32.
9. Чубарьян АО. Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании. *Вестник Российской академии наук*. 2016;86(5):387–391. DOI: 10.7868/S0869587316050042.
10. Хришкевич ТГ. Вторая мировая война в восприятии современных немцев: поражение или освобождение? *Метаморфозы истории*. 2015;6:10–20.
11. Вдовин А. Великая Отечественная война и новая национальная политика СССР. *Свободная мысль*. 2015;6:93–114.
12. Быковская ГА, Македонская ВА. Вторая мировая война: православие и борьба с фашизмом. *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук*. 2016;2:31–36.
13. Цеханская КВ. Война и вера: религиозный аспект подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны. *Метаморфозы истории*. 2019;13:19–51.
14. Шкаровский МВ. *Нацистская Германия и Православная Церковь: нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР*. Москва: Издательство Крутицкого Патриаршего подворья; 2002. 524 с. Совместное издание с «Общество любителей церковной истории».
15. Суркова ИЮ. Социальная инклюзия и сплоченность как принципы формирования современного российского патриотизма. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2012;3:160–167.
16. Ушакова НВ. Великая Отечественная война в истории моей семьи: мой дед – Мальченко Семен Андреевич. *Северный регион: наука, образование, культура*. 2015;1:189–190.
17. Юраков ДМ, Старунская АА. Великая Отечественная война глазами моей семьи. *Концепт* [Интернет]. 2015 [прочитано 7 июня 2019 г.];25:6–10. Доступно по: <https://e-koncept.ru/2015/65304.htm>.
18. Бурмистрова Елизавета Е, Бурмистрова Екатерина Е. Великая Отечественная война в истории моей семьи. *Вестник науки и образования*. 2017;12(2):38–40.
19. Алиева ЛВ, Филиппова ТВ. Женское лицо войны: образ женщины в плакатном искусстве периода Второй мировой войны. *Метаморфозы истории*. 2015;6:21–47.
20. Барсукова НВ. Советские женщины на защите страны в годы Великой Отечественной войны. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2017;5-3:29–31.
21. Шуныков ДВ. «Слабый пол» на войне. Награждение женщин-военнослужащих орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). *Военно-исторический журнал*. 2019;3:82–86.
22. Reynolds D. Britain, the Two World Wars, and the Problem of Narrative. *The Historical Journal*. 2017;60(1):197–231. DOI: 10.1017/S0018246X16000509.
23. Kramer A. Recent Historiography of the First World War (Part I). *Journal of Modern European History*. 2014;12(1):5–28. DOI: 10.17104/1611-8944_2014_1_5.
24. Jones H, Kandiah M, editors. *The Myth of Consensus: New Views on British History, 1945–64*. London: Springer; 1996. 186 p.
25. Harris J. War and Social History: Britain and the Home Front during the Second World War. *Contemporary European History*. 1992;1(1):17–35. DOI: 10.1017/S096077730000504X.
26. Calder A. *The Myth of the Blitz*. London: Pimlico; 2012. 320 p.
27. Smith HL. *Britain in the Second World War: A social history*. Manchester: Manchester University Press; 1996. 189 p.
28. Geyer M, Toose A, editors. *The Cambridge History of the Second World War. Volume III. Total War: Economy, Society and Culture*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 833 p.
29. Fox J. Careless Talk: Tensions within British Domestic Propaganda during the Second World War. *Journal of British Studies*. 2012;51(4):936–966. DOI: 10.1086/666741.
30. Rose SO. *Which People's War? National Identity and Citizenship in Wartime Britain, 1939–1945*. Oxford: Oxford University Press; 2004. 328 p.
31. Vickers E. «The Forgotten Army of the Woods»: The Women's Timber Corps during the Second World War. *The Agricultural History Review*. 2011;59(1):101–112.
32. Gazeley I. Women's pay in British industry during the Second World War. *The Economic History Review. New Series*. 2008;61(3):651–671. DOI: 10.1111/j.1468-0289.2007.00412.x.
33. Taylor M. The People's Game and the People's War: Football, Class and Nation in Wartime Britain, 1939–1945. *Historical Social Research*. 2015;40(4):270–297. DOI: 10.12759/hsr.40.2015.4.270-297.
34. Бросчат М. *Закат тысячелетнего рейха*. Москва: Яуза; 2005. 288 с. Совместное издание с «Эксмо».
35. Людтке А. *История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти*. Журавлев СВ, редактор. Москва: РОССПЭН; 2010. 270 с.
36. Maser W. *Das Regime: Alltag in Deutschland 1933–1945*. Berlin: Dietz Verlag; 1990. 461 S.
37. Grube F, Richter G. *Alltag im Dritten Reich: So lebten die Deutschen 1933–1945*. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag; 1982. 152 S.

38. Нольте Э. *Фашизм в его эпохе: Аксьон Франсэз. Итальянский фашизм. Национал-социализм*. Федоров АИ, переводчик. Новосибирск: Сибирский хронограф; 2001. 568 с.
39. Bach M, Breuer S. *Faschismus als Bewegung und Regime: Italien und Deutschland im Vergleich*. Wiesbaden: VS Verlag; 2010. 420 S.
40. Фрай Н. *Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945*. Москва: РОССПЭН; 2009. 256 с.
41. Фест ИК. *Гитлер: биография: в 3 томах*. Случ СЗ, Рахшмир ПЮ, редакторы. Пермь: Культурный центр «Алетей»; 1993. 3 тома.
42. Мазер В. *Адольф Гитлер: легенда, миф, реальность*. Ясинская ЛИ, Завгородняя ГС, переводчики. Ростов-на-Дону: Феникс; 1998. 603 с.
43. Моммзен Х. *Гитлер, немцы и 2-я мировая война*. Москва: Германский исторический институт; 2008. 28 с.
44. Кнопф Г. *Генералы Третьего рейха*. Москва: Астрель; 2006. 511 с.
45. Ackermann J. *Heinrich Himmler als Ideologe*. Göttingen: Musterschmidt; 1970. 317 S.
46. Wildt M. *Geschichte des Nationalsozialismus*. Stuttgart: UTB; 2008. 219 S.
47. Mommsen H. Die Realisierung des Utopischen: Die «Endlösung der Judenfrage» im «Dritten Reich». *Geschichte und Gesellschaft*. 1983;9(3):381–420.
48. Кнопф Г. *«Дети» Гитлера*. Москва: Олма-Пресс; 2004. 285 с.
49. Bennecke H. *Hitler und die SA*. München: Günter Olzog Verlag; 1962. 230 S.
50. Corni G, Gies H. *Blut und Boden: Rassenideologie und Agrarpolitik im Staat Hitlers*. Idstein: Schulz-Kirchner Verlag; 1994. 227 S.
51. Гёрлиц В. *Германский Генеральный штаб: история и структура, 1657–1945*. Москва: Центрполиграф; 2005. 478 с.
52. Моммзен Х. Оппозиция Гитлеру и немецкое общество в 1933–1945 гг. В: Михалка В, редактор. *Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований*. Москва: Весь мир; 1997. с. 263–276.
53. Dieckmann C, Quinkert B, Tönsmeier T, Editoren. *Kooperation und Verbrechen: Formen der Kollaboration in Südost- und Osteuropa 1939–1945*. Göttingen: Wallstein Verlag; 2005. 320 S. (Beiträge zur Geschichte des Nationalsozialismus; 19).
54. Longerich P. *Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung*. München: Piper; 1998. 772 S.
55. Angrick A. *Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943*. Hamburg: Hamburger Edition; 2003. 796 S.
56. Müller K-D, Nikischkin K, Wagenlehner G, Editoren. *Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und der Sowjetunion 1941–1956*. Köln: Verlag Böhlau; 1998. 478 S.
57. Müller R-D, Volkman H-E, Editoren. *Die Wehrmacht. Mythos und Realität*. Oldenburg: Oldenbourg Wissenschaftsverlag; 1999. 1332 S.
58. Latzel K. *Deutsche Soldaten – nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis – Kriegserfahrung 1939–1945*. Paderborn: Ferdinand Schöningh; 1998. 429 S.
59. Rass C. *«Menschenmaterial»: Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939–1945*. Paderborn: Ferdinand Schöningh; 2003. 486 S.

References

1. Senyavskaya ES. Military anthropology: experience of formation and development of new scientific branch. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Internet]. 2016 [cited 2019 March 21];1–2. Available from: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/168>. Russian.
2. Kasimov RN. [The Great Patriotic War as a symbol in Russians collective memory]. In: Zagrebin AE, Vorontsov VS, Kasimov RN, Chernienko DA, editors. *Istoriko-kul'turnoe nasledie slavyanskikh narodov Volgo-Kamskogo regiona: nauchnyi al'manakh* [Historical and cultural heritage of the Slavic peoples of the Volga-Kama region: scientific almanac]. Izhevsk: Shelest; 2017. p. 159–168. Russian.
3. Naumenko VE. «...Those who gives up without a fight for his home and village, he is not a man» (the Great Patriotic War in the perception of the Ingush people). *Naslediye vekov* [Internet]. 2015 [cited 2019 May 17];1:63–71. Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/07/2015_1_Naumenko.pdf. Russian.
4. Shabel'nikova NA. [A Great Victory in the memory of generations: World War II in contemporary historiography of the Far East]. *Klio*. 2019;1:36–42. Russian.
5. Vorobyov SV, Kashirina TV. Historiography of the collaboration in the occupied European and Soviet territories during the Second World War. *Voprosy istorii*. 2019;6:157–169. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201905Statyi03. Russian.
6. Kamardina NV. State and ideology: the experience of the Soviet past (an example of Far East society in 1941–1945). *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*. 2016;2:7–11. Russian.
7. Kavalenia AA. The ideological and political defending of the Belarusian statehood in the years of the Great Patriotic War. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4:10–18. Russian.
8. Kovalenya AA. To defend the truth of the Great Patriotic War. *Problemy upravleniya*. 2015;2:25–32. Russian.
9. Chubaryan AO. World War II in contemporary historiography and public consciousness. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2016;86(5):387–391. DOI: 10.7868/S0869587316050042. Russian.
10. Khrishkevich TG. World War II in the Perception of the Modern Germans: Defeat or Liberation? *Metamorphoses of History*. 2015;6:10–20. Russian.
11. Vdovin A. The Great Patriotic War and the new national policy in the USSR. *Svobodnaya mysl'*. 2015;6:93–114. Russian.
12. Bykovskaya GA, Makedonskaya VA. Orthodoxy and fascism through years of Second World War: contradictions of connections. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*. 2016;2:31–36. Russian.
13. Tsekhanskaya KV. War and faith: the religious aspect of the development of the Soviet people in the years of the Great Patriotic War. *Metamorphoses of History*. 2019;13:19–51. Russian.

14. Shkarovskii MV. *Natsistskaya Germaniya i Pravoslavnaya Tserkov': natsistskaya politika v otnoshenii Pravoslavnoi Tserkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoi territorii SSSR* [Nazi Germany and the Orthodox church: Nazi policy towards the Orthodox church and religious revival in the occupied territory of the USSR]. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo Patriarshego podvor'ya; 2002. 524 p. Co-published by the «Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii». Russian.
15. Surkova IY. Social inclusion and solidarity as principles of the modern Russian patriotism formation. *Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*. 2012;3:160–167. Russian.
16. Ushakova NV. [The Great Patriotic War my family's history: my grandfather – Semen Andreevich Malchenko]. *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. 2015;1:189–190. Russian.
17. Yurakov DM, Starunskaya AA. [The Great Patriotic War through the eyes of my family]. *Kontsept* [Internet]. 2015 [cited 2019 June 7];25:6–10. Available from: <https://e-koncept.ru/2015/65304.htm>. Russian.
18. Burmistrova Elizaveta E, Burmistrova Ekaterina E. The Great Patriotic war in the history of my family. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2017;12(2):38–40. Russian.
19. Alieva LV, Filippova TV. The female face of the War: women images in poster art at the period of World War II. *Metamorphoses of History*. 2015;6:21–47. Russian.
20. Barsukova NV. [Soviet women on the defense of the country during the Great Patriotic War]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2017;5–3:29–31. Russian.
21. Shunyakov DV. «Female gender» in war. Female soldiers award with orders and medals in Great Patriotic War of 1941–1945. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 2019;3:82–86. Russian.
22. Reynolds D. Britain, the Two World Wars, and the Problem of Narrative. *The Historical Journal*. 2017;60(1):197–231. DOI: 10.1017/S0018246X16000509.
23. Kramer A. Recent Historiography of the First World War (Part I). *Journal of Modern European History*. 2014;12(1):5–28. DOI: 10.17104/1611-8944_2014_1_5.
24. Jones H, Kandiah M, editors. *The Myth of Consensus: New Views on British History, 1945–64*. London: Springer; 1996. 186 p.
25. Harris J. War and Social History: Britain and the Home Front during the Second World War. *Contemporary European History*. 1992;1(1):17–35. DOI: 10.1017/S096077730000504X.
26. Calder A. *The Myth of the Blitz*. London: Pimlico; 2012. 320 p.
27. Smith HL. *Britain in the Second World War: A social history*. Manchester: Manchester University Press; 1996. 189 p.
28. Geyer M, Tooze A, editors. *The Cambridge History of the Second World War. Volume III. Total War: Economy, Society and Culture*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 833 p.
29. Fox J. Careless Talk: Tensions within British Domestic Propaganda during the Second World War. *Journal of British Studies*. 2012;51(4):936–966. DOI: 10.1086/666741.
30. Rose SO. *Which People's War? National Identity and Citizenship in Wartime Britain, 1939–1945*. Oxford: Oxford University Press; 2004. 328 p.
31. Vickers E. «The Forgotten Army of the Woods»: The Women's Timber Corps during the Second World War. *The Agricultural History Review*. 2011;59(1):101–112.
32. Gazeley I. Women's pay in British industry during the Second World War. *The Economic History Review. New Series*. 2008;61(3):651–671. DOI: 10.1111/j.1468-0289.2007.00412.x.
33. Taylor M. The People's Game and the People's War: Football, Class and Nation in Wartime Britain, 1939–1945. *Historical Social Research*. 2015;40(4):270–297. DOI: 10.12759/hsr.40.2015.4.270-297.
34. Broszat M. *Zakat tysyacheletnego reikha* [Sunset of the Millennium Reich]. Moscow: Yauza; 2005. 288 p. Co-published by the «Eksmo». Russian.
35. Ludtke A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniyu truda, voiny i vlasti* [The history of everyday life in Germany: new approaches to the study of labor, war and power]. Zhuravlev SV, editor. Moscow: ROSSPEN; 2010. 270 p. Russian.
36. Maser W. *Das Regime: Alltag in Deutschland 1933–1945*. Berlin: Dietz Verlag; 1990. 461 S.
37. Grube F, Richter G. *Alltag im Dritten Reich: So lebten die Deutschen 1933–1945*. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag; 1982. 152 S.
38. Nolte E. *Der Faschismus in seiner Epoche: Die Action française. Der italienische Faschismus. Der Nationalsozialismus*. München: R. Piper & Co. Verlag; 1963. 633 S.
- Russian edition: Nolte E. *Fashizm v ego epokhe: Aks'on Fransez. Ital'yanskii fashizm. Natsional-sotsializm*. Fedorov AI, translator. Novosibirsk: Sibirskii khronograf; 2001. 568 p.
39. Bach M, Breuer S. *Faschismus als Bewegung und Regime: Italien und Deutschland im Vergleich*. Wiesbaden: VS Verlag; 2010. 420 S.
40. Frei N. *Der Führerstaat: nationalsozialistische Herrschaft 1933 bis 1945*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag; 2001. 335 S.
- Russian edition: Frei N. *Gosudarstvo fyurera. Natsional-sotsialisty u vlasti: Germaniya, 1933–1945*. Moscow: ROSSPEN; 2009. 256 p.
41. Fest IK. *Gitler: biografiya* [Hitler: biography]. Sluch SZ, Rakhshmir PYu, editors. Perm: Kul'turnyi tsentr «Aleteia»; 1993. 3 volumes. Russian.
42. Maser W. *Adol'f Gitler: legenda, mif, real'nost'* [Adolf Hitler: legend, myth and reality]. Yasinskaya LI, Zavgorodnyaya GS, translators. Rostov on Don: Feniks; 1998. 603 p. Russian.
43. Mommsen H. *Gitler, nemtsy i 2-ya mirovaya voina* [Hitler, Germans and World War II]. Moscow: German historical institute; 2008. 28 p. Russian.
44. Knopp G. *Generaly Tret'ego reikha* [Generals of the Third Reich]. Moscow: Astrel'; 2006. 511 p. Russian.
45. Ackermann J. *Heinrich Himmler als Ideologe*. Göttingen: Musterschmidt; 1970. 317 S.
46. Wildt M. *Geschichte des Nationalsozialismus*. Stuttgart: UTB; 2008. 219 S.
47. Mommsen H. Die Realisierung des Utopischen: Die «Endlösung der Judenfrage» im «Dritten Reich». *Geschichte und Gesellschaft*. 1983;9(3):381–420.

48. Knopp G. «*Deti» Gitlera* [Hitler's Children]. Moscow: Olma-Press; 2004. 285 p. Russian.
49. Bennecke H. *Hitler und die SA*. München: Günter Olzog Verlag; 1962. 230 S.
50. Corni G, Gies H. *Blut und Boden: Rassenideologie und Agrarpolitik im Staat Hitlers*. Idstein: Schulz-Kirchner Verlag; 1994. 227 S.
51. Gorlitz W. *Germanskii General'nyi shtab: istoriya i struktura, 1657–1945* [The German General staff: its history and structure, 1657–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2005. 478 p. Russian.
52. Mommsen H. [Opposition to Hitler and German society in 1933–1945]. In: Mikhalka V, editor. *Vtoraya mirovaya voina: Diskussii. Osnovnye tendentsii. Rezul'taty issledovaniia* [The Second World War: Discussions. The main trends. Research results]. Moscow: Ves' mir; 1997. p. 263–276. Russian.
53. Dieckmann C, Quinkert B, Tönsmeier T, Editoren. *Kooperation und Verbrechen: Formen der Kollaboration in Südost- und Osteuropa 1939–1945*. Göttingen: Wallstein Verlag; 2005. 320 S. (Beiträge zur Geschichte des Nationalsozialismus; 19).
54. Longerich P. *Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung*. München: Piper; 1998. 772 S.
55. Angrick A. *Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943*. Hamburg: Hamburger Edition; 2003. 796 S.
56. Müller K-D, Nikischkin K, Wagenlehner G, Editoren. *Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und der Sowjetunion 1941–1956*. Köln: Verlag Böhlau; 1998. 478 S.
57. Müller R-D, Volkmann H-E, Editoren. *Die Wehrmacht. Mythos und Realität*. Oldenburg: Oldenbourg Wissenschaftsverlag; 1999. 1332 S.
58. Latzel K. *Deutsche Soldaten – nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis – Kriegserfahrung 1939–1945*. Paderborn: Ferdinand Schöningh; 1998. 429 S.
59. Rass C. «*Menschenmaterial*»: *Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939–1945*. Paderborn: Ferdinand Schöningh; 2003. 486 S.

Статья поступила в редколлегию 28.08.2019.
Received by editorial board 28.08.2019.